

Валерий ЖМАК

Летчик
ДЕВЯТАЕВ

**Из фашистского ада —
в небо!**

МОСКВА 2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ж77

Иллюстрация на обложке
художника *Владимира Нартова*

Жмак, Валерий Георгиевич.
Ж77 Летчик Девятаев. Из фашистского ада —
в небо! / Валерий Жмак. — Москва : Эксмо,
2021. — 320 с.

ISBN 978-5-04-182230-9

Февраль 1945 года. Старшему лейтенанту ВВС Михаилу Девятаеву грозит смерть в немецком лагере Заксенхаузен. Отважный летчик неоднократно пытался бежать, но каждый раз неудачно. Случайно ему удается сменить статус смертника на статус штрафника, после чего он попадает в концлагерь на острове Узедом в Балтийском море. Именно там фашисты ведут секретные работы по созданию «оружия возмездия». Михаил понимает, что должен во что бы то ни стало сообщить об этом своим. Но как? Лагерь хорошо охраняется, кругом пустынная местность и бескрайнее холодное море. Единственный шанс — вырваться из плена на вражеском самолете. Этот план выглядит безумным, но для отчаянного аса нет ничего невозможного...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-182230-9

© Жмак В., 2021
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2021

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Германия; остров Узедом; секретный
ракетный центр Пенемюнде; концлагерь
Карлсхаген — военный аэродром
7–8 февраля 1945 года*

К концу войны немцы стали относиться к пленным немного бережнее. Как-никак рабочая сила — бесплатная, крайне необходимая, потому за любую провинность уже не расстреливали, не вешали, как прежде. Так же гоняли от зари до зари, выжимая последние соки, не давали толком отдыхать, но казнили только за исключительные провинности — к примеру, за попытку побега. Тут уж если попался — готовься к самому страшному. Могут не просто расстрелять, а показательно перед строем отдать на растерзание собакам или забить до смерти прикладами. Способ всецело зависел от изуверской фантазии лагерфюрера.

Кормили в 1945-м тоже крайне плохо. Видать, нормальной провизии самим не хватало.

Который день на обед в бараке, именуемом «столовой», заключенные получали по небольшой порции баланды, по три крохотные картофелины и по маленькому кусочку непонятной темной субстанции, называемой хлебом. После такого «сытного» обеда каждое движение из-за слабости давалось с трудом. А двигаться под гневные окрики охранников все же приходилось.

В этот день Девятаев с Кривоноговым работали на аэродроме. Перед побегом им надлежало определиться с составом группы, поэтому их товарищ — Владимир Соколов, занимавший должность помощника капо, включил их в одну бригаду. Здесь во время работы можно было спокойно поговорить, обсудить планы. Вахтман, как правило, прогуливался в поле зрения, но близко к объекту работы не подходил. Другим заключенным было все равно, о чем треплются товарищи.

Разравнивая на грунтовке специальную смесь, советский летчик говорил отрывисто и с придыханием:

— Четверо нас, Ваня. Всего четверо. Костяк. Мы с тобой, Вовка Соколов да Немченко.

— Согласный я: маловато. Вдруг охранника не получится угомонить с первого раза? Тогда придется остальным навалиться. А ежели бугай попадется? Раскидает нас как детвору, и хана нашему побегу, смекаешь? Надо бы пораскинуть мозгами, — освобождал последнее ведро Ванька Кривоногов.

Девятаев еле передвигался. Болели от побоев спина, руки, голова. Напарник знал это, понимал его состояние и всячески старался облегчить страдания.

— Давай-ка сюда свои ведра. Пройдись налегке, — предложил он.

Михаил отдал товарищу пустые ведра, поглядел в серое небо и продолжил:

— Верно говоришь. Ничего путного не выйдет из нашей задумки, если попытаем счастья в таком составе. Чтоб немца-охранника завалить, нужен такой здоровяк, как Петька Кутергин.

— Согласный. Петька подойдет. Еще могу присоветовать Мишку Емеца.

— Я о нем тоже думал. Надежный мужик.

— Политрук — одно слово. Значит, берем?

— Берем. Итого шестеро. Еще бы надо несколько человек.

— Неужто опять мало?! — подивился Кривоногов.

— Мало.

— К чему больше-то? Охранника-вахтмана шестером точно одолеем, а самолету хватит ли силенок поднять всех в воздух?..

Ванька Кривоногов был, как говорится, своим в доску. Чуть выше среднего роста; несмотря на худобу — крепкий и широкоплечий. Живой, подвижный, неугомонный. И что особо ценно: не падающий духом даже в самой аховой ситуации. Родился Иван в селе Коринка под Нижним Новгородом. Учился, работал, ушел на военную службу в пограничные войска, да так на границе и остался. Армейский путь начал в знаменитой Шепетовке, а в двадцать четыре года принял на себя удар гитлеровских войск на берегу пограничной реки Сан. В звании лейтенанта командовал небольшим гарнизоном ДОТа (долговременная огневая точка) и сдерживал атаки врага под ураганными обстрелами до первых чисел июля 1941 года. Из пятнадцати защитников точки в живых осталось четверо, да и те были завалены бетонными обломками разбитого сооружения. Так тяжелораненый и обож-

женный Иван и угодил в плен. По лагерям скитался под вымышленным именем «Иван Корж», выдавая себя за выходца с Украины.

— Силенок-то? Конечно, хватит! Пойми, Ванька, это ж боевые двухмоторные бомбардировщики, а не перкалевые По-2, — кивнул Девятаев в сторону самолетной стоянки. — Они по три тонны бомб на борт принимают и забираются с ними на восемь с половиной тысяч.

— Ого! Хватает же мощи!

— Вот тебе и «ого»! Так что всех поднимет — не дрейфь. А вот попотеть нам придется, чтоб завести моторы незнакомой машины и заставить ее взлететь.

Вместе они сходили к куче смеси, набрали ее в ведра и вернулись к грунтовке.

— Вспомнил! Олейник и Колька-малец! — позабыв об осторожности, воскликнул Кривоногов.

Девятаев замер с длинной палкой в руках. Покосившись на стоящего неподалеку охранника, тихо спросил:

— Ты чего разорался?

— Так он же ни в зуб по-нашему. И к тому же он этот... — запнулся Иван. Потом сплюнул

под ноги: — Тьфу ты! Язык сломаешь! Ландесшютцен! Ополченец...

В 1945 году немецкие войска испытывали ошутимую нехватку личного состава. Все, кто мог держать в руках винтовку или фаустпатрон, отправлялись на фронт, а охрану таких лагерей, как Карлсхаген, поручили частям ландесшютцена. Эти военизированные части являлись территориальным ополчением, куда набирались негодные для полноценной армейской службы мужчины.

— Олейник — подходящая кандидатура, — прошептал Девятаев. — И Колька-малец — толковый парень, первый, с кем я познакомился в этом лагере. Обоих можно взять.

— А Федька Адамов? Тоже кремень-мужик. И несуетливый.

— Ага. Это девять.

— А сколько всего-то надо?

— С десяток был бы в самый раз.

— Ну, зачем же так много? — громким шепотом возмущался Кривоногов.

— Понимаешь, аккумуляторных батарей может не оказаться на борту. Их перед холодами механики загодя в тепло относят, чтобы заряд не теряли.